

Максим Салос

*Дом, в котором падает
счет*

Максим Салос

Дом, в котором падает снег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21182506

Аннотация

Каждое утро ты открываешь глаза. Строишь вокруг. Дышишь, живёшь. Вечером ложишься спать. И так изо дня в день. Ты не видишь и малой части того, что существует в окружающем пространстве. "Дом, в котором падает снег" – книга о том, что на самом деле представляет собой мир. Это истории, которые заставят увидеть по-новому всё то, к чему ты привык. Помогут разглядеть то, что ранее казалось невозможным.

Макс

Дом, в ко

Предисловие

Книга, которую ты держишь в руках – не выдуманные истории. Это реальность. Реальность, происходившая со мной. Я прожил от начала и до конца каждое слово, которое ты прочтёшь. Всё это случилось в прошлом и случится в будущем. Эта книга – девять моих жизней. И я хочу рассказать о них. Рассказать потому, что есть вещи, о которых невозможно молчать. Когда мы встретимся на последней странице, вспомни о том, что только ты решаешь, где правда, а где вымысел. Только ты можешь устанавливать границы. И если захочешь, то границ не будет вовсе. Только ты решаешь, чему быть. Приятного чтения!

P.S. Эту книгу я посвящаю моим ангелам – Жанне и крошке Лии. Рядом с вами я, наконец, стал тем, кем должен быть.

Лейла

I

Помнишь, недавно утром, совсем рано, ты услышала шум за окном? Ты испугалась, выбежала на балкон посмотреть, что случилось, и увидела мужчину, лежащего на крыше твоей машины. Обычно ты ставишь автомобиль у подъезда, но вчера вернулась поздно и припарковала его у дома напротив, под окнами больницы. Конечно, ты помнишь, ведь машина

была раскурочена так, словно мужчина падал на неё с десятого этажа. Но это не совсем верно; он падал с тринадцатого. И это был я.

Хочу извиниться перед тобой за то, что пришлось познакомиться таким вот странным образом. Мне правда жаль твою машину, она была красивой. И спасибо, что пришла на мои похороны. Без тебя мне было бы там совсем одиноко. Можно, я буду считать тебя своей подругой, ладно?

Давай ненадолго вернёмся в то утро, а потом я расскажу тебе, как всё было на самом деле. Потому что ты наверняка читала статьи в газетах, тогда все писали обо мне. Но там нет правды. Бывает так, что нужно стереть границы привычного, выйти за грань логики и просто принять то, что казалось раньше невозможным.

Знаешь, я смотрел много фильмов и думал, что полёт с высоты – это просто. Сделал шаг и через мгновение оказался внизу. В кино обычно именно так. Тем ранним утром я прыгал не лицом вперёд, а наоборот. Хотел приземлиться на спину, чтобы люди увидели улыбку, которая была на моих губах. Да, я сделал это с улыбкой. Но высота была очень большая, в полёте меня несколько раз перевернуло. В итоге я рухнул на твою машину лицом вниз. Жаль, что никто не увидел моей последней улыбки. Но ты теперь знаешь об этом, и это хорошо.

И, несмотря на всё случившееся, я рад, что познакомился с тобой и могу рассказать свою историю. Но сразу предупре-

ждаю – она может показаться тебе грустной, возможно в самом конце ты даже будешь плакать. Главное, помни – в мире бывают нелёгкие пути; но то, что кажется концом, порой лишь начало.

Моя история началась поздно ночью. Знаешь, ведь ночь – лучшее время для того, чтобы подумать или помечтать. Мир вокруг замирает и, только прислушавшись, можно уловить его спокойное, ровное дыхание. Я любил ночью выходить на балкон, наслаждался тишиной, курил и смотрел, как струйки дыма растекаются в ночном воздухе. И слушал. Я же ещё не рассказал тебе, что с детства слышу *нечто*. В основном это были неясные, бесформенные звуки, иногда музыка, редко слова. Доктора объясняли это аномалией строения ушей, в результате которого звуковое восприятие мира искажается. Я свыкся с этой мыслью и давно перестал считать звуки в моей голове чем-то необычным. Но той ночью всё изменилось: я услышал стихи. Чётко и ясно, как никогда прежде. Они были прекрасны, и я их записал. Записал, не понимая ни слова. Следующей ночью это повторилось, а потом опять. Через несколько месяцев у меня была толстая тетрадь стихов. Я не очень понимал, что с ними делать. Стихи мне нравились, но принять их как свои так и не смог. Поэтому придумал псевдоним и опубликовал под вымышленным именем. А потом появилась она.

Лейла. Моя милая Лейла. Красавица с карими глазами.

Она полюбила мои стихи, а вместе с ними и меня. Да, на-

верное, в такой последовательности. Знаешь, я ведь не верю в любовь с первого взгляда. Любовь требует времени, требует внимания к себе, требует перемен, а это не просто. Это длинный путь, которому нужны жертвы. И жертвой будешь ты сам, ведь нужно перевернуть свой мир с ног на голову. Но любовь долго ждёт, всё терпит. И готова принять тебя таким, каков ты сейчас, но только если будешь готов ради неё стать другим.

Я встретил Лейлу и всё перевернулось. Или она встретила меня, наверное, это не так важно. Мне приходили письма, много писем – люди писали мне в ответ на мои стихи. И среди этих писем я почему-то выделил одно; ты, конечно, понимаешь, от кого оно было. Лейла рассказала о себе, написала, как ей не хватает меня. Представляешь – секунду назад я даже не знал о ней, и вдруг оказалось, что есть на свете человек, которому меня не хватает. Прочтя письмо, я вдруг понял, что ещё никто в моей жизни не говорил мне столько добрых и нужных слов. Просто так, всего за несколько минут. Конечно, мы захотели встретиться.

На первое свидание я опоздал. Примчался и увидел её, она была так красива. Я просто подошёл, Лейла посмотрела на меня и крепко обняла; так, словно мы встретились после долгой разлуки. И в тот момент я уже знал, как сильно её люблю. Именно так, очень просто.

Спросишь, что было дальше? Мы говорили, очень много говорили. Лейла рассказала, как мои стихи вдохнули в неё

жизнь, которую, как ей казалось, она уже потеряла. Лейла ведь была замужем в тот момент, не по любви, а знаешь... как все. Ведь так бывает – трудное детство и юность, одиночество, жажда жизни. Она вышла за хорошего человека, надеясь обрести счастье. Но любовь не пришла в их дом. Лейла вспоминала, как несколько месяцев назад, ночью, она стояла в душе, плакала и умоляла всех богов, которых смогла вспомнить, изменить её жизнь. Ты ведь уже догадалась, что это была за ночь? Правильно, та самая, когда я записал стихи в первый раз.

Лейла знала, мы говорили об этом, что я никакой не поэт. Позже стало известно, как всё это было на самом деле. Лейла оказалось ведьмой. Не такой, как баба Яга, конечно, совсем другой. Просто она любила это слово, поэтому я буду называть её так. Ты ведь знаешь, в мире есть люди с экстраординарными способностями, совершенно разными. Лейла умела управлять событиями, она была сверхчувствительна. Читала, к счастью, не всегда, мои мысли, понимала энергетику других людей, часто совсем незнакомых; обладала очень развитой интуицией. Она рассказала, что в критические моменты человек выбрасывает колоссальное количество энергии, просто огромное. И если этот поток направить в нужное русло, могут происходить нереальные, волшебные вещи. Именно её энергия пришла ко мне в ту ночь, чтобы я написал стихи, которые приведут её ко мне. Лейла показала мне, что мир может быть намного больше того, к которому мы

привыкли.

Ты ведь наверняка знаешь, что темноты не стоит бояться. Тебе страшно лишь потому, что в ней таится неизвестное. Но это пугает лишь тех, кто не готов. Лейла открыла мне глаза, показала мир, о котором мне не приходилось и мечтать до встречи с ней. Чем отплатил ей я? Я любил её; и сейчас люблю. И это как раз то, что было нужно нам обоим.

Мы с Лейлой были где-то за гранью любви. Так сложно описать словами то, на что не хватает даже чувств. Она касалась меня, и каждая клеточка тела взрывалась. Полыхала энергией; как будто в маленький тлеющий костёр плеснули бензина. Я так люблю её прикосновения, запах волос, касания губ. То, что происходило между нами – это не вожделение, не похоть, даже не страсть. Мы с Лейлой были вместе, и мир останавливался, исчезал, мира не существовало. Оставались только мы одни. Это был конец света, армагеддон, после которого всё начиналось вновь. Это был катарсис, обряд очищения; Вселенная рождалась заново, и в центре её находились мы, с каждым разом становившиеся сильнее. И ближе друг к другу. Когда я был с Лейлой, то был везде – в каждом уголке Вселенной сразу. Нам перестало хватать только наших земных тел, они не могли удержать всю ту колоссальную любовь, которую мы пробудили друг в друге.

Ты ведь наверняка слышала, как говорят – любовь живёт три года, чувства притупляются со временем и что-то ещё. Весь этот бред придумали люди, придумали для оправдания

своей слабости, своей лени и нежелания становиться лучше. Любовь не умирает, не знает времени, не умеет предавать. Вот только найти её может лишь тот, кто примет сердцем чудо любви, откажется от себя прежнего и будет готов познать совершенство. Это бесконечная дорога, но вступивший на неё будет идти с улыбкой, потому что не нужно спешить или волноваться, ведь этот путь не может закончиться. И нам с Лейлой так хотелось идти дальше.

Тебя, наверное, спрашивали и не раз – а тебе сняться сны? На самом деле вопрос этот неправильный. Сны снятся всем и всегда, просто кто-то помнит их, а кто-то нет. Почему так? Я расскажу. У нашего тела есть множество состояний – бодрствование, сон, усталость, боль, но душа не спит ни минуты. Когда ты лежишь в кровати, когда тело спит, сознание может отправиться куда угодно – в любой уголок Вселенной, в любое время. И этому нужно всего лишь научиться. Всего лишь.

Лейла, моя милая Лейла, она научила открывать глаза тогда, когда веки закрыты; показала, как смотреть сквозь стены и горы. Знаешь, что такое медитация? Это очень близко к тому, о чём говорю я. Вдох-выдох, вдох-выдох, расслабление. Дышать надо очень плавно и глубоко, так, чтобы голова слегка закружилась. Считай вдохи, от одного до ста, а потом обратно. Считай, чтобы мысли не терзали твоё сознание, а сама улетай в мир, который откроет темнота закрытых глаз. В первый раз ты едва узнаешь его, даже подумаешь, что

это обман. Но потом... Открывай его по крупицам, гляди на него, вдыхай этот мир полной грудью, желай стать его частью и он оплатит тебе. Оплатит светом, теплом, яркими красками и свободой. Бесконечной, как Вселенная, свободой.

Лейла показала мне этот чудесный мир. Это было долго и трудно, но мы справились. Не одна мелодия на этом свете не сравнится с тем, как пели наши души *там*. Когда нам хотелось, мы были *там* одни. Или приглашали в гости другие души. Мы строили города, проживали эпохи, переплывали моря. Мы были так счастливы, бесконечно. Знаешь, время *там* идёт совсем не так, как здесь. У него нет направления и скорости; оно может двигаться назад, может замирать, так, как ты сама захочешь. Среди бесконечности времён и пространств мы построили свой дом. Только для нас. Там всё было так, как хотелось нам – камин, лестница на второй этаж, большие, от пола до потолка окна; и терраса, на которой мы смотрели на звёзды. Но иногда нужно было возвращаться...

Я не знаю, кто придумал всё это, но и *там* есть свои правила. Нельзя просто так взять и уйти *туда*. И мы возвращались. Открывали глаза и оказывались здесь. Для того, чтобы ходить на работу, есть, навещать родителей, гулять в парке, держась за руки. Лейла говорила, что это обязательное условие. Мы, как энергия Вселенной, существовали всегда. В какой-то миг маленький кусочек Вселенной становится телом и душой. Здесь, в этом мире. И чтобы отправиться дальше,

нужно преодолеть это испытание. Но только ты решаешь, будет ли оно счастьем.

Ты ведь наверняка слышала – нашу землю часто называют адом или чистилищем, даже космической помойкой. Закрытым пространством, где собраны и гниют все отбросы Вселенной. А я скажу тебе – только ты сама решаешь, быть ли тебе отбросом. И если не захочешь, то борись за своё счастье, просто стань счастливой здесь и сейчас, не завтра, не на следующей неделе, а именно сейчас. Вселенная станет частью тебя только в тот миг, когда ты этого захочешь и примешь её с улыбкой. Этот путь нужно пройти. И я прошу тебя – пройди его счастливой, с открытым сердцем. Как делали это мы.

Знаешь, мне ведь непросто даётся этот рассказ. Так много мыслей и слов, что я подолгу думаю, какой будет следующая фраза. И мне так жаль, что у этой истории такой финал. Хотя, стоп. Конец мы ещё не написали и сами решим, каким будет этот рассказ.

II

Помнишь, я рассказывал про стихи, которые Лейла невольно подарила мне? Она очень их любила, но писать дальше мне не удавалось. Это был настолько невероятный и спонтанный выброс энергии, что я не сумел повторить его снова. Порой мне даже казалось удивительным то, что стихи родились именно под моим пером. А я... я всегда хотел быть писателем, но, смешно даже, не знал, о чём писать. Ми-

мо проплывали обрывки фраз, образы, мысли, но мне никак не удавалось соединить их воедино. Но это до сих пор моя мечта – написать роман или хотя бы маленькую повесть. И подарить её Лейле. Моей милой Лейле.

Прости, я немного отвлёкся. Давай, расскажу тебе, что было дальше. Мы с Лейлой почти не расставались, только днём; расходились по делам, желая скорее встретиться снова и отправиться в путешествие *туда*. Мы перестали общаться с людьми, порвали почти все связи. Они были нам не нужны. Знаешь, это ведь страшная мука – видеть тех, кого не желаешь видеть; говорить о глупых и неинтересных вещах, сплетничать, притворяться. Мы хотели быть теми, кто мы есть, а если мир это не устраивает... Ну что ж, мы будем счастливы и без него. Лейла не забрала меня у мира, она подарила мне всё лучшее, что в нём есть. А потом...

Потом её машина попала в аварию. Она спешила ко мне, шёл сильный дождь. Лейла не справилась с управлением и врезалась в дерево. Я, конечно, почувствовал это и примчался в больницу даже раньше, чем туда приехала машина скорой помощи. И увидел её – мою милую Лейлу... Она была в коме.

Мне никогда не хотелось бы, я бы не пожелал увидеть такое никому – когда любимый, родной, самый дорогой во Вселенной человек лежит перед тобой израненный, в пятнах засохшей крови; с кислородной маской на лице. Так, словно тело, которое ты видишь – это просто тело, которое когда-то

было человеком. Твоим самым любимым человеком.

Пообещай мне, что будешь беречь себя, ладно? Я так не хочу, чтобы подобное случилось с тобой. Знаешь, среди того ужаса, что обрушился на меня, особенно страшным был... запах йода. Обоняние – один из главных, если не самый главный способ восприятия мира. Человек, теряя свой запах, теряет огромную часть себя. И вместо любимого запаха волос Лейлы, я чувствовал йод. Мне хотелось выть от отчаяния.

Теперь я жил в больнице, рядом с ней. Мне предлагали, потом требовали, позже упрашивали уходить хотя бы на время, но оставить Лейлу одну даже на час было выше моих сил. С утра до вечера я находился рядом, держал её руку, нащупывая чуть заметный пульс; гладил и расчёсывал её волосы, красил её ногти в красный цвет. Она так это любила... Моя милая Лейла. А ночью я искал её *там* – садился в кресло, закрывал глаза; вдох, потом выдох и перед глазами возникал мир. Наш мир, в котором я теперь оказался один.

Лейла исчезла, её просто не стало. Я искал в каждом уголке мира, во все времена. Кричал, вопил, но не слышал ответа... Потом просыпался, держал её руку, гладил волосы... А ночью искал вновь – заходил в каждый дом, погружался во все моря, но это было бесполезно. Я снова просыпался, потому наступала ночь. И так много-много месяцев подряд. Каждый день я готов был отчаяться, но не мог сдаться. Не давал себе такого права, заставляя искать её снова и снова.

И вот однажды, во время путешествия *там*, я оказался у

горы Кайлас в Тибете. Слышала про такую? Её называют гора-свастика. На самом деле это определение неверно – это не гора, а пирамида. Я оказался там за восемь тысяч лет до нашей эры, когда тибетцы строили это легендарное сооружение. Место было создано древними как портал между мирами. Нас с Лейлой всегда тянуло туда, и я решил на время остаться там. Мы строили пирамиду, укладывали камень за камнем, дышали горным воздухом...

Знаешь, воздух тогда, за тысячи лет до нашего времени, был совсем другим. Чистый, пьянящий, он наполнял тело первозданной силой. Когда я возвращался в палату к Лейле, то не мог дышать. Физически, буквально задыхался. Но находил в себе силы терпеть. Ради неё. А затем возвращался *туда*, к подножью Кайласа. Когда пирамида была построена, мы наносили на её стены письма; опыт древних, заключённый в слова.

Я вырезал в камне сотни, тысячи слов и лиц. И вот, среди них, наконец, отыскал то, что было так нужно. В изображении Падмасамбхавы я увидел её. Она была рядом с ним, тогда она носила имя Кхатванга. Лицо было другим, но её глаза... Это были глаза Лейлы. Моей милой Лейлы. Такие родные, тёплые, пронизывающие, любимые глаза. Я узнаю их везде. Не спутаю с другими никогда. А рядом были слова; слова, написанные моей рукой: «Ты можешь идти вперёд. Ты должен идти. И настанет миг, когда ты дойдешь до предела. Твоё «я» – и есть последняя точка пути. Оглянись во-

круг и пойми, что расставание неизбежно. Но ты, рождённый вновь, будешь ещё мудрее, ещё лучше. Границ и пределов не существует, есть лишь то, что делает тебя сильнее».

Я стоял рядом с Кхатвангой. Она смотрела на меня глазами Лейлы. Всё вокруг исчезло, не было не людей, не земли под ногами. Только мы и Кайлас. Пирамида сияла разрезами свастики; и тогда я вернулся. Вернулся в палату, где лежало тело Лейлы. Что было дальше? Я выдернул провода аппарата жизнеобеспечения, снял с любимого лица кислородную маску. Через минуту сердце Лейлы перестало биться. А потом я открыл окно, забрался на подоконник, улыбнулся и сделал шаг вперёд.

III

А потом ты выбежала на шум и нашла меня на крыше своей машины. Я рад, что познакомился с тобой. Можно кое о чём тебя попросить? Это не сложно. Я прошу – стань счастливой, найди в мире человека, который создан Вселенной для тебя. Вы будете любить друг друга и у вас родиться мальчик. Расскажи своему малышу эту историю, расскажи, что где-то на свете его ждёт девочка с карими глазами, с которой ему предстоит пройти долгий путь. Сможешь? Ты ведь моя подруга, правда?

Беролак

Мой письменный стол – напротив окна. Я люблю писать вечером, часто засиживаюсь допоздна. Дома все спят, и мне

нравится, что тишину нарушает только ровный ход моих часов. Когда я размышляю, каким будет следующее предложение, моя щека лежит на кулаке левой руки и хорошо слышно, как стрелки неумолимо бегут вперёд.

Разве есть в этом мире что-то прекраснее тишины вечернего дома? Конечно, есть. Для того ли мы живём на свете, чтобы любить тишину? Есть ли хоть кто-нибудь, готовый отдать свою тишину ради голосов? Безусловно, да. Я готов. Я бы многое отдал за то, чтобы услышать голос моего папы.

Сегодняшний день – особенный в нашей семье. Сегодня папин день рождения. Ему должно было исполниться сорок лет. А может, исполнилось... Я не знаю. Прошло три года с тех пор, как папа без вести пропал.

Ощущение законченности пути пугает. В нём много прошлого, но совсем нет будущего. Иногда мне хочется быть стариком – умудрённым жизнью, знающим ответы на вопросы. Но мне всего шестнадцать, и я знаю, что завтра мне предстоит читать это сочинение перед классом. Мне кажется, публичное чтение – дурная затея. Читать при свете дня то, что написано ночью – ужасно. Тем более одноклассникам, у которых все мысли только о... Не буду уточнять, вы и сами прекрасно знаете. Зато мама будет рада, что я получу пятёрку. Сочинения – мой конёк, мне нравится писать. Тем более, все говорят, что получается неплохо. Хотя бывает сложно найти хорошего слушателя. Автор и читатель – это вообще тема для отдельной беседы. Знаете, бывают такие про-

изведения, где не читатель оценивает автора, а наоборот. Я бы назвал это своеобразным экзаменом человеческой души. Сможешь ли ты понять идею, достоин ли того, чтобы получить это знание. И вот когда читаю свои мысли перед всем классом, то знаю – это не они оценивают меня, а я наблюдаю за ними.

Мне часто говорят, особенно мама, да я и сам это знаю – что мыслю не как шестнадцатилетний подросток. В конце концов, возраст – всего лишь условность. Мои друзья и приятели думают о том, как бы сходить на свидание или поймать покемона; или где купить пиво. А я думаю о том, что дольше остального живёт боль. Липкая, вязкая как клей, равнодушная, пульсирующая боль. Когда вечер начинается рано утром; и мучительно тянется до той минуты, когда ты падаешь на кровать, чтобы уснуть.

Знаю, что сейчас буду читать эти строки в тишине под взглядами ваших удивлённых глаз. Наверное, буду читать очень тихо. Но всё, что было сказано, будет услышано. Криком ли, а может шёпотом, но слова найдут своего слушателя.

Три года назад исчез мой папа. Он просто ушёл и не вернулся. Папа уходил и раньше, но мы всегда знали, что он придёт. Мама говорила, что папа уезжал в командировки, но я не верю в это. Бывало два, три дня, даже неделю от него не было вестей. И я видел, как мама волновалась, порой не находя себе места. Пусть мне не так много лет, но даже мне

известно, что не уезжают в командировки. Папа не звонил, не писал, не привозил подарки; он просто неожиданно появлялся, очень уставший. Порой я видел синяки и ссадины на его теле, которые он пытался от нас скрыть. Куда уходил папа? Не знаю точно, но после сегодняшнего дня уверен, что больше никогда не смогу его увидеть... Я не скажу об этом маме, может она и сама об этом знает; и уж точно не скажу об этом сестрёнке.

Мою сестру зовут Майя. Ей всего четыре, но с ней уже можно поговорить. Майя еще многого не знает о мире, о нашей семье. Но я постараюсь всё рассказать ей так, чтобы малышке не было больно. Конечно, не сейчас, потом. Майя хоть и маленькая, но тоже, как и я, скучает по папе. И раз сочинение нужно написать на тему: «Мой лучший друг», я решил рассказать о папе, потому что он был для нас самым лучшим другом.

Знаете, бывает, что дети ревнуют, когда у кого-то из членов семьи день рождения. Когда подарки и поздравления предназначаются не тебе, а кому-то другому. Для детей это нормально, они ведь ещё маленькие. Но в нашей семье день рождения папы или мамы – праздник для всех. В эти дни мы всегда вместе. Устраиваем пикники, катаемся на карусели или на велосипедах, покупаем сладости, ходим в кино. Мама говорит, что день рождения – общий праздник, потому что мы – одна семья. И должны делить всё поровну. И сегодня, в день папиного рождения, мы пошли в зоопарк. Но уже без

него. Мама сказала, что папа был бы недоволен, если бы этот день мы просто просидели дома. Тем более, Майя очень любит животных и хочет увидеть их живьём.

Папа никогда не рассказывал нам, почему пропал по нескольку дней подряд. Вернее, придерживался маминой версии – что уезжает по работе. Малышка Майя верит, а я точно знаю, что это неправда. Мне обидно, что родители темнят, я ведь не маленький, многое способен понять. А сегодня, кажется, всё понял. И вот теперь не знаю, что с этим делать. Быть может, если я напишу всё на бумаге, станет легче? Как знать...

Мама рассказывала, что когда я был совсем маленьким, то не мог уснуть без её волос. Она ложилась рядом, а мне только нужно было схватить своей ладошкой мамину прядь, как я моментально засыпал. А потом подрос, и укладывать меня стал папа. Он рассказывал мне сказки. Что-то читал, что-то выдумывал сам, смешил, а сам говорил: «Т-с-с, а то мама услышит. Мы с тобой уже спать должны». Я слушал папин рассказ и глядел в его глаза – большие голубые, очень глубокие глаза. Смотрел и словно погружался в другой мир, а через минуту уже крепко спал. Сейчас папина фотография стоит на моём столе, я часто и подолгу смотрю на неё, спрашивая только об одном: «Ну, где же ты, папа?». А вечером умываюсь и снова вижу те же глаза – на своём лице. Я никогда не смогу забыть папу, ведь смотрю на мир такими же

глазами, как он. Его глазами. Я не хочу забывать тебя, папа.

Нашей любимой сказкой была история о Беролаке, человеке, который умел превращаться в медведя. Каждое полнолуние он уходил в лес, при тусклом ночном свете становился собой настоящим. Ведь на самом деле Беролак был медведем, которого колдунья превратила в человека. Но это было так давно, что порой он сам не понимал – кто же он – медведь или человек. Сказка жутковатая, мне было немного страшно, но это был страх, который хочется испытать, чтобы пощекотать свои нервы. Как прыжок с тарзанки. Тем более, папа был рядом. А сейчас я рассказываю эту сказку Майе, она не боится, а говорит, что ей жалко мишку. Правда, дойти до конца мне ни разу не удавалось, сестрёнка быстро засыпает.

Майя любит животных и сегодня, в день папиного рождения, мы пошли в зоопарк. Недавно в новостях сказали, что пару месяцев назад, ночью в город забрёл бурый медведь. Он ходил прямо по улицам, хорошо, что все в это время спят. А ближе к утру люди заметили его, позвонили в полицию; или куда звонят в таких случаях? На рассвете медведя поймали. Он был ранен, его отправили на лечение в зоопарк, да и оставили там жить. Медведь был огромным и сильным, ему дали имя Бьорн. И сегодня мы пошли на него посмотреть.

Для Бьорна построили отдельный вольер, в самом конце зоопарка. По пути мы видели обезьян, кроликов, козу, зашли посмотреть на рептилий. Майе очень понравились дикие кошки. Там вообще очень много животных, можно дол-

го про них писать. А когда мы дошли до Бьорна, случилось нечто странное. То, чего я не могу понять. Вернее могу, но очень боюсь.

Мы подошли к клетке, я шёл впереди, а сзади была мама, она держала Майю за ручку. Там увидели медведя, а он увидел нас. Бьорн был огромен, он встал на задние лапы и пошёл прямо на нас. Но меня испугало не это. У медведя были большие, глубокие, красивые голубые глаза. Точно, как у меня. Но ведь так не бывает. У медведя не может быть таких глаз, но у него были. На секунду мы застыли на месте – медведь, мама и я смотрели друг на друга. А Майя подошла совсем близко и сказала: «Какой бошой Мишка!». Дальше как во сне – медведь зарычал, бросился на прутьях клетки, разделяющие нас, царапал железо когтями. Мама закричала, оттащила Майю назад. А я так и стоял, как вкопанный. Вокруг бегали и кричали люди. Бьорн могучими лапами сгибал прутья, еще чуть-чуть и он выбрался бы наружу. А потом раздался выстрел, медведь рухнул; я подбежал к нему и увидел, как жизнь покидает его огромное тело. Он тихо рычал, а через мгновенье закрыл глаза насовсем.

Вечером мы прочитали в новостях, что медведь в зоопарке взбесился, напал на посетителей, и его пришлось убить. В целях безопасности. Я слышал, как в ванной весь вечер проплакала мама. Она включила воду, чтобы мы не слышали, но мне и так всё понятно. Малышка Майя, не знаю как, успела

подобрать у клетки коготь. Ведь день ходила с ним и даже легла спать, держа его в руках. Майя говорит: «Мне Мишка подарил!». Мама услышала это, попросила меня уложить сестру, а сама сидит в ванной. Я не виню её, мне тоже сейчас хочется побыть одному.

Иногда случается то, чего, кажется, не должно быть. Ты вдруг понимаешь то, что не понимал раньше, и это открытие выбивает из колеи. Ведь такого не бывает. Ну, не может такого быть! И кроме осознания этого, нужно ещё понять – как жить дальше? Как заснуть сегодня и проснуться завтра?

Наверное, в этот раз я не получу пятёрку. Не хочу читать это сочинение при всём классе. Скажу, что забыл написать. Или заболел. Пусть даже двойку поставят. Мама поймёт.

А вообще, знаете что? Я не хочу знать «почему»? Не хочу знать «за что»? Не хочу знать, почему всё происходит так. Потому что в этих вопросах есть обида, в них обречённость. А во мне их нет. Во мне есть вера и надежда.

Сегодня Майе не спалось, она держала коготь Бьорна, а я впервые смог до конца прочитать ей сказку о Беролаке: «... никто в мире не знает, кто такой Беролак – медведь или человек. Он и сам не знает. Но местные верят, что если Беролак погибнет в одной из своих сущностей, то сможет навсегда остаться в другой».

А потом, уже глубокой ночью, мы уснули с Майей вместе, я услышал стук в дверь. И, вслед за ним, громкий-громкий

мамин крик...

Подорожник

Длинный коридор. Полутьма. Пляшущие огоньки свечей. Порывы ветра. Оглушающие вопли. Тихий голос. Исцарапанный ногтями земляной пол. Железная дверь. Это всё внутри. А снаружи...

Мне как-то говорили, что лучший способ спрятаться – быть в толпе. Затеряться. Стать таким, как все, не отличаться. Но для меня это сложно.

Знаешь, в моём городе почти всегда тепло. Это шумный, по-своему уютный, почти средиземноморский курорт. В любое время года здесь можно носить лёгкую, открытую одежду. А летом, кажется, весь город переезжает на пляж. Весь, кроме меня. Я не ношу открытую одежду и не загораю на пляже. Хотя мог бы попробовать, ведь лучший способ быть незаметным – это быть в толпе.

Не знаю наверняка, но почти уверен – приди я на пляж искупаться, ментально притянул бы к себе взгляды окружающих. Нет, я не футболист, не звезда, просто всё моё тело, кроме лица и ладоней, покрыто шрамами. Мне двадцать три года. И я... давайте, назовём меня священником.

Я ношу чёрную рясу, она закрывает почти всё тело, это удобно. В городе меня зовут отец Максим; правда, церковным саном я не обладаю. Но каждый день прихожу в мона-

стырь, чтобы работать. Да, я считаю это работой, так мне проще осознавать то, что происходит со мной. Я изгоняю демонов.

Знаю, в городе обо мне ходят разные слухи. Я не собираю их, стараюсь оградиться, но порой от них никуда не деться. Многие, очень многие считают меня лжецом, а те кто видел то, что я делаю... Это всё неважно. Важно то, что я умею и могу. Среди всего этого нет ответа только на один вопрос – почему я?

Я молод, но, подражая священникам, ношу бороду, это старит меня. Волосы на лице и на голове почти наполовину седые. Это старит вдвойне. Меня никогда не любила женщина, по-настоящему, как это бывает у людей. Я не ходил на вечеринки, не напивался на выпускной; даже толком не учился в школе.

Знаешь, что такое радость обречённого? Я тебе расскажу. Ты слышал имя Чадомир Чупич? Нет? Его фотография одна из самых известных в мире – на ней ты увидишь молодого улыбающегося мужчину. Он одет в пальто и фуражку, а руки сложены так, будто он готовится к рукопожатию. А на самом деле фотография сделана за несколько минут до его расстрела. После жестоких пыток, отказавшись перейти на сторону врага, он улыбается, считая последние мгновения своей жизни. Чадомир Чупич принял свою участь, смирился с неизбежным, не изменил себе. И гордо принял смерть, глядя в глаза палачам. Мужественный человек. Не то, что я.

Хотя, если бы мне тоже дали право идти на смерть... Ладно, это неважно... У меня совсем иная судьба.

Хочешь узнать, как выглядит мой дом? Представь – ты хочешь купить квартиру в новом доме, приходишь туда – и видишь пустые комнаты, где каждый изданный тобой звук эхом отражается по всем углам. А теперь брось на пол матрац, зашторь поплотнее окна и расставь вдоль стен ряды пустых бутылок. Вот ты и знаешь, как я живу. Да, я пью. От ужаса. Потому что не могу спать по ночам. Потому что глаза привыкли к темноте, потому что хочется закрыться, забыться, залезть под одеяло, накрыться с головой. И забыть. Всё забыть. Но я помню.

А ты? Ты помнишь, когда тебе было одиннадцать лет? О чём ты мечтал? С кем говорил? На какие темы? Помнишь? И я помню. Помню маленького худенького мальчика с большими голубыми глазами, широко раскрытыми от страха. Он весь дрожал, пытаясь остановить кровь. Она красным ручейком текла по его тоненькой руке, а он своей маленькой ладошкой пытался закрыть рану. Помню, как этот мальчик сидел на стуле, а вокруг стояли мужчины. Они с удивлением и страхом смотрели на малыша, задавали вопросы, шептали, крестились. И так снова и снова... Я помню и знаю всё, что пришлось пережить этому мальчику. И вот теперь он – это я. Он не хотел становиться мной, мечтал совсем о другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.